

УДК 93/94(37.014)

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2026-16-2-260-270>

Лекционная пропаганда в 1950-е годы как основная форма исторического просвещения (на материалах ГКУ «Архив города Севастополя»)

Н.В. Кармазина¹ ✉

¹ Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского
пр-т академика Вернадского, д. 4, г. Симферополь 295007, Российская Федерация

✉ e-mail: n.v.karmazina@mail.ru

Резюме

Актуальность. В условиях современного общества, где государственная политика в сфере исторического просвещения вновь приобретает особую значимость, обращение к опыту прошлого становится необходимым инструментом осмысления текущих вызовов. Лекционная пропаганда 1950-х годов в СССР представляет собой уникальный пример массовой, централизованно управляемой системы историко-идеологического воздействия. Несмотря на ее очевидную пропагандистскую направленность, она сыграла ключевую роль в формировании исторической памяти, патриотического сознания и общесоветского нарратива. При этом региональные аспекты этой деятельности, включая локальные формы реализации идеологических установок, остаются недостаточно исследованными, что подчеркивает научную и практическую значимость темы.

Цель – анализ содержания лекционной пропаганды 1950-х годов как основной формы исторического просвещения в СССР с акцентом на ее организационные, идеологические и региональные особенности.

Задачи: дать характеристику структуре и основным направлениям лекционной пропаганды в 1950-е годы; выявить ключевые идеологические установки, транслируемые через историческую тематику лекций; оценить роль лекционной пропаганды.

Методология исследования обусловлена поставленной целью и включает в себя принципы историзма, объективности и системности, дополнением к которым стали проблемно-хронологический и историко-сравнительный методы.

Результаты. Установлено, что лекционная пропаганда 1950-х годов была жестко централизованной, идеологически контролируемой системой. Показано, что на региональном уровне (на примере города Севастополя) реализовывался краеведческий подход, ориентированный на патриотическое воспитание через местную историю. Выявлены механизмы контроля: обязательное утверждение планов и текстов лекций, рецензирование, звукозапись выступлений, что свидетельствует о высоком уровне идеологической дисциплины. Отмечена двойственная природа лекционной пропаганды: с одной стороны, инструмент доктринального воздействия, с другой – важный канал исторического просвещения для широких слоев населения, особенно в сельской местности.

Вывод. Лекционная пропаганда 1950-х годов являлась не только формой массового обучения, но и ключевым элементом советской идеологической машины, направленной на формирование единого исторического сознания.

Ключевые слова: лекционная пропаганда; историческое просвещение; лекционные бюро.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Кармазина Н.В. Лекционная пропаганда в 1950-е годы как основная форма исторического просвещения (на материалах ГКУ «Архив города Севастополя») // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2026. Т. 16, № 2. С. 260–270. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2026-16-2-260-270>.

Поступила в редакцию 15.01.2026

Принята к публикации 19.02.2026

Опубликована 29.04.2026

© Кармазина Н.В., 2026

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия История и право / Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law. 2026;16(2):260–270

Lecture propaganda in the 1950s as the main form of historical education (based on the materials of the state institution "Archive of the city of Sevastopol")

Natalia V. Karmazina¹ ✉

¹ V.I. Vernadsky Crimean Federal University
4 Akademik Vernadsky Ave., Simferopol 295007, Russian Federation

✉ e-mail: n.v.karmazina@mail.ru

Abstract

Relevance. In the conditions of modern society, where the state policy in the field of historical education is once again gaining special importance, referring to the experience of the past becomes a necessary tool for understanding current challenges. The lecture propaganda of the 1950s in the USSR is a unique example of a massive, centrally controlled system of historical and ideological influence. Despite its obvious propaganda orientation, it played a key role in shaping historical memory, patriotic consciousness, and the general Soviet narrative. At the same time, the regional aspects of this activity, including local forms of implementation of ideological attitudes, remain insufficiently studied, which underlines the scientific and practical significance of the topic.

Purpose – to analyze the content of lecture propaganda of the 1950s as the main form of historical enlightenment in the USSR, with an emphasis on its organizational, ideological and regional features.

Objectives: to characterize the structure and main directions of lecture propaganda in the 50s of the twentieth century; to identify key ideological attitudes transmitted through the historical theme of lectures; to evaluate the role of lecture propaganda.

Methodology. The research methodology is determined by the set goal and includes the principles of historicism, objectivity and consistency, complemented by problem-chronological and historical-comparative methods.

Results. It is established that the lecture propaganda of the 1950s was a tightly centralized, ideologically controlled system. It is shown that at the regional level (using the example of Sevastopol), a local history approach was implemented, focused on patriotic education through local history. Control mechanisms have been identified: mandatory approval of lecture plans and texts, peer review, and sound recording of speeches, which indicates a high level of ideological discipline. The dual nature of lecture propaganda is noted: on the one hand, it is an instrument of doctrinal influence, on the other, it is an important channel of historical education for the general population, especially in rural areas.

Conclusions. Lecture propaganda of the 1950s was not only a form of mass education, but also a key element of the Soviet ideological machine aimed at forming a unified historical consciousness.

Keywords: lecture propaganda, historical enlightenment, lecture bureaus.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Karmazina N.V. Lecture propaganda in the 1950s as the main form of historical education (based on the materials of the state institution "Archive of the city of Sevastopol"). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2026;16(2):260–270. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2026-16-2-260-270>.

Received 15.01.2026

Accepted 19.02.2026

Published 29.04.2026

Введение

В условиях беспрецедентного внимания государства и общества к историческому просвещению необходимо попытаться определить его методологию и основные методы, выявить главные вызовы, на которые призвана ответить историко-

просветительская деятельность [1]. В современных исследованиях последовательно проводится мысль, что историческое просвещение может и должно стать новым направлением деятельности российского государства [2]. Но комплексный анализ этапов эволюции этой темы до

сих пор не был проведен, что существенно ограничивает понимание ее генезиса и динамики развития. В региональных исследованиях данная проблематика также остается недостаточно изученной. Так, есть публикации об общих принципах развития исторического просвещения в Крыму в 1940–1950-е гг. [3], о вопросах организации лекционной пропаганды в Центральном Нечерноземье [4], в Сибири [5], в послевоенное десятилетие [6]; рассмотрена роль исторического просвещения в формировании активной гражданской позиции [7]. Отдельных аспектов касались исследователи, изучавшие сталинскую эпоху в целом [8], эволюцию советского общества [9] и его идеологических установок [10], развитие отечественной исторической науки [11] и историографии [12]. В публикациях по истории Всесоюзного общества «Знание» [13] и его партийного руководства [14] приведены лишь отдельные сведения о просветительской деятельности, ее влиянии на социум [15].

Можно констатировать отсутствие в научной литературе фундаментальных исследований, посвященных данному вопросу, что указывает на необходимость углубленного изучения и методологического осмысления проблемы в рамках региональных исследований.

В СССР 1950-х гг. лекционная пропаганда занимала центральное место в системе идеологического и исторического просвещения населения. После Великой Отечественной войны советское руководство стремилось укрепить патриотическое сознание граждан, сформировать у них «правильное» понимание истории страны, а также утвердить марксистско-ленинскую концепцию исторического процесса. Одним из наиболее действенных инструментов реализации этих задач стала сеть лекционных групп, действовавших при домах культуры, библиотеках, заводах, колхозах, воинских частях и учебных заведениях.

Лекционная пропаганда в рассматриваемый период несла ярко выраженный просветительский и идеологический характер. Лекции читались не просто как форма передачи знаний, но как средство формирования коммунистического мировоззрения. Историческая тематика занимала в ней особое место: в рамках лекционных курсов разъяснялись «законы исторического развития», «великие победы Октябрьской революции», «героическая борьба советского народа в годы войны», а также «преступления капитализма и фашизма». Особое внимание уделялось прославлению личности И.В. Сталина, чей культ достиг пика именно в начале 1950-х гг.

Лекционная пропаганда 1950-х гг. выступала не только как инструмент вертикального воздействия сверху вниз, но и как реакция на запросы общества на осмысление недавнего прошлого. Победа в Великой Отечественной войне, массовые репрессии, послевоенные трудности – все это требовало от государства не просто мобилизации, но и «объяснения» истории. В этих условиях лекция становилась своего рода ритуалом коллективного исторического осознания, где официальный нарратив преподносился как единственно верный и морально оправданный.

Особую роль в этой системе играли региональные особенности: именно на местах пропагандистские установки обретали конкретные формы, адаптировались к локальной памяти, культурным кодам и историческим событиям. Например, в городах-героях, таких как Севастополь, акцент делался на военную славу и революционные традиции, что позволяло органично соединить общенациональную идеологию с местным патриотизмом. Такая «двойственность» – централизованная доктрина и локальная интерпретация – делает региональный уровень ключевым для понимания реального функционирования системы исторического просвещения.

Сегодня, в условиях возрождения интереса к историческому образованию и патриотическому воспитанию, опыт 1950-х гг. приобретает не только академическую, но и прикладную значимость. Анализ механизмов лекционной пропаганды позволяет выявить как эффективные приемы массового исторического просвещения, так и пределы идеологической манипуляции. Это особенно актуально в эпоху информационной перезагрузки и фрагментации исторической памяти, когда поиск устойчивых ориентиров в прошлом вновь становится задачей государственной важности.

Методология

Методологическую основу работы составили принципы исторического познания: принцип историзма, объективности научного анализа и системности, которые играют ключевую роль в научном изучении лекционной пропаганды 1950-х г. как формы исторического просвещения. Их применение позволяет не только реконструировать саму систему пропаганды, но и понять ее место в более широком контексте идеологической, политической и культурной жизни советского общества.

Принцип историзма предполагает рассмотрение явлений в их историческом развитии, с учетом конкретных условий времени, места и социального контекста. Он позволяет понять, почему, например, в Севастополе делался акцент на краеведческой тематике: это было прямым откликом на историческую память о героической обороне города, которую следовало интегрировать в общенациональный патриотический нарратив. Без учета исторического контекста лекционная пропаганда рискует быть воспринятой исключительно как инструмент манипуляции, в то время как в реальности она отвечала и на запросы общества на осмысление недавнего прошлого.

Принцип объективности требует избегать идеологической ангажированности и стремиться к беспристрастному восприятию источников. При изучении лекционной пропаганды это особенно важно, поскольку сама она была по своей природе идеологически насыщенной. Объективный подход позволяет увидеть двойственную природу этого явления: с одной стороны – жесткий контроль, цензуру, обязательное утверждение текстов, запреты; с другой – реальную просветительскую функцию, особенно в сельской местности и среди рабочих, где лекции были зачастую единственным доступным способом получить представление об истории страны.

Принцип системности предполагает рассмотрение объекта исследования как целостной структуры, состоящей из взаимосвязанных элементов. В случае лекционной пропаганды это позволяет выявить ее многоуровневую организацию: от центральных органов (ЦК КПСС, Министерство культуры, Всесоюзное общество «Знание») до региональных (городские и районные отделения, лекционные бюро) и локальных (лекторы в домах культуры, библиотеках, колхозах). Системный подход раскрывает механизмы управления, такие как обязательное утверждение текстов, инструктивные совещания, звукозапись лекций, подготовка лекторов, а также взаимодействие разных социальных групп – партийных работников, интеллигенции, передовиков производства. Он также позволяет соотнести лекционную пропаганду с другими формами идеологической работы (агитация, печать, кино) и проследить ее эволюцию.

Аналитическую основу исследования составили опубликованные документы – сборники нормативных установок по культурно-просветительной работе [2] и их материалы [1], которые включают основные постановления партии и правительства, решения всероссийских сове-

щаний, положения о просветительских структурах, финансовые материалы.

Нормативные документы дополняют архивные источники. В ГКУ «Архив города Севастополя» сохранился фонд Севастопольского городского отдела культурно-просветительной работы (Ф. Р-121), который содержит документацию, отражающую деятельность городского лекционного бюро в период с 1949 по 1957 г. – ключевой этап развития лекционной пропаганды в СССР. Среди документов – решения горисполкома, приказы Министерства культуры СССР и УССР, положения о лекционных бюро и методических секциях, регламентирующие организацию и подчинение бюро; планово-отчетные материалы: тематические планы лекций на каждый год, сметы расходов, годовые и квартальные отчеты о работе бюро, позволяющие оценить масштабы и тематическую направленность просветительской деятельности; методические документы: протоколы заседаний научно-методических секций (общественно-политической, исторической и др.); материалы лекций и экскурсий, кадровые документы.

Интерес также представляет фонд Севастопольского городского отделения Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний (Ф. Р-382), который на основе нормативных актов и директив, протоколов заседаний, отчетной документации, бухгалтерских и финансовых документов позволяет реконструировать лекционную деятельность отделения.

Результаты и их обсуждение

В развитии организационных основ лекционной пропаганды в СССР в 1950-е гг. выделяется несколько главных аспектов, характеризующих систему, масштабы и управленческие механизмы этой формы исторического и в целом

идеологического просвещения. В 1951 г. лекционная деятельность уже имела четкую организационную структуру. Она осуществлялась через Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний (далее – Общество), которое в регионах СССР создавало районные и городские отделения – основные ячейки пропагандистской системы. К апрелю 1951 г. таких отделений было 4410, охватывающих около 80% членов Общества (всего – 275 тыс. человек)¹. Это свидетельствует о переходе лекционной пропаганды от спорадической агитационной деятельности к массовой, централизованно управляемой инфраструктуре.

Главная концептуальная идея, в соответствии с которой создавалось Общество, заключалась в том, что новая просветительская организация должна была стать, прежде всего, политическим и творческим объединением видных деятелей науки и культуры, общественных и политических деятелей, которые должны были формировать коммунистическое мировоззрение простого советского обывателя. Поэтому эта организация не должна была быть большой по численности, включать в себя действительно самых лучших. Но для эффективности деятельности такой организации, широкого охвата просветительской работой населения вокруг этого интеллектуального ядра необходимо было сформировать массу рядовых исполнителей, способных ярко и доходчиво транслировать в народные массы идеи и знания, выработанные интеллектуальным ядром, но при этом быть фактически вовне организации интеллектуалов [8, с. 23].

Особенно показательны цифры по количеству лекций в I квартале 1951 г.²:

¹ АГС (ГКУ «Архив города Севастополя»). Ф. Р-121. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.

² Там же. Л. 14.

– в райцентрах и на селе – 189 тыс.;
– в столицах и центрах областей – 72 тыс.

Приведенные цифры свидетельствуют, что в городах и сельских районах лекций было проведено в 2,6 раза больше, чем в столицах и центрах областей. Такой перекося в сторону периферии подчеркивает приоритет просвещения масс, особенно сельского населения и рабочих, что соответствует общей политике идеологической мобилизации «внизу» – вдали от академических центров.

Лекционная деятельность достаточно жестко контролировалась. Районные и городские отделения были подотчетны вышестоящим структурам (областным, краевым, республиканским). Тексты лекций подлежали обязательному утверждению вышестоящим правлением. Проводились инструктивные совещания, обмен опытом, систематический контроль качества и идейного содержания. Из центра направлялись квалифицированные лекторы для повышения уровня выступлений на местах.

Лекционная пропаганда была не просто информационным ресурсом, а инструментом идеологической дисциплины, ориентированным на единообразное толкование политических и исторических тем. Одной из задач отделений Общества было «широкое вовлечение интеллигенции, передовиков и новаторов промышленности и сельского хозяйства в ряды членов Общества»¹. Это говорит о том, что лекторская деятельность использовалась не только как форма просвещения, но и как механизм социальной интеграции и идеологического подчинения представителей научно-технической и творческой интеллигенции.

Положение о районном (городском) отделении Общества, утвержденное в июне 1951 г., устанавливало четкие кри-

терии создания отделений (не менее 15 действительных членов и 25 соревнующихся); возможность назначения уполномоченного, если членов мало; регулярность общих собраний (не реже раза в 3 месяца, в случае уполномоченного – ежемесячно); выборность и подотчетность руководства (правление, председатель, секретарь); обязательность плановой работы, особенно по подготовке и утверждению текстов лекций¹. Это демонстрирует стремление к нормативному, почти бюрократическому управлению массовой пропагандой, несмотря на ее агитационный характер.

На основании решения Совета Министров СССР от 12 марта 1952 г. при Севастопольском городском отделе культпросветработы 17 марта 1952 г. было создано городское лекционное бюро [9]. Оно функционировало как высокоспециализированный и строго регламентированный орган идеологического и исторического просвещения, полностью соответствующий общей модели лекционной пропаганды в СССР 1950-х гг.² Городское лекционное бюро в Севастополе прекратило деятельность в апреле 1957 г., поскольку было присоединено к горисполкому.

Севастопольское городское лекционное бюро было подчинено горисполкому и работало в тесном взаимодействии с отделом культпросветработы. Его деятельность была жестко структурирована через систему научно-методических секций (общественно-политическая, историческая, литературная и др.), каждая из которых отвечала за определенный тематический блок³.

Главной особенностью работы бюро являлся систематический контроль каче-

² АГС. Ф. Р-121. Оп. 1. Д. 12. Л. 22.

³ Сборник руководящих материалов по культурно-просветительной работе / сост. Д.А. Хаст. М.: Госкультпросветиздат, 1947. 139 с.

¹ АГС. Ф. Р-382. Оп. 1. Д. 1. Л. 16.

ства лекций: все тексты лекций проходили обязательное рецензирование на заседаниях секций. Проводилось внешнее наблюдение: сотрудники бюро прослушивали лекции в аудиториях, составляли рецензии, делали стенограммы и звукозаписи для последующего анализа.

Итоги рецензирования текстов лекций в 1952 г.¹ следующие:

- всего лекций – 109;
- разрешены к чтению – 57;
- запрещены – 18;
- отправлены на доработку – 34.

Эти цифры свидетельствуют о жесткой цензуре и идеологическом контроле, характерных для советской системы. Целью было не просто распространение знаний, а обеспечение их полного соответствия официальной доктрине.

В отличие от общесоюзных лекций, которые часто фокусировались на «великих победах» и «законах истории», работа Севастопольского бюро демонстрирует локальный, краеведческий подход. За 1952 г. было прочитано 143 лекции по краеведческой тематике². К ним относились тексты лекций: «История города Севастополя»; «Боевые и революционные традиции севастопольцев и моряков Черноморского флота»; экскурсии по историческим местам города.

Такой акцент объясняется стратегической важностью Севастополя как военно-морской базы и города-героя. Историческое просвещение здесь служило задачам патриотического воспитания, укрепления связи населения с героическим прошлым и формированию чувства принадлежности к советскому государству.

Севастопольское лекционное бюро имело развитую инфраструктуру. В 1952 г. действовало три постоянных лектория (при клубе завода, клубе тыла, 4-м медицинском объединении), где было

прочитано 227 лекций. Были созданы два новых лектория (в Северном районе и при поселковом совете Кача)³.

В связи с большим спросом на лекции краеведческой тематики в конце 1952 г. были организованы 10-дневные курсы для экскурсоводов-общественников, успешно оконченные 13 слушателями. Это говорит о стремлении к расширению охвата аудитории и созданию устойчивой сети просветительских площадок, доступных для рабочих, служащих и жителей разных районов города.

В 1952 г. в бюро числилось 119 внештатных лекторов, из них 88 выступили в аудиториях; другими словами, часть лекторов не вела активную просветительскую деятельность, что отмечено в отчете как проблема⁴.

В числе лекторов были представители различных профессиональных групп: юристы, писатели, преподаватели, политработники, сотрудники библиотек. Это подтверждает политику вовлечения интеллигенции и передовиков производства в пропагандистскую работу.

Сравнение данных за разные годы показывает устойчивый рост активности по количеству лекций⁵: в 1952 г. – 802 лекции; в 1954 г. – 1060 лекций. Эти данные показывают рост количества прочитанных лекций почти на 30% за короткий промежуток времени.

В тематике лекций наблюдалось смещение акцентов. Если в 1953 г. преобладали лекции по истории и теории КПСС (178 шт.), то в 1954 г. лидируют лекции по международному положению (242 шт.) и коммунистическому воспитанию (109 шт.). Это может указывать на усиление антизападной риторики в период «холодной войны».

¹ АГС. Ф. Р-121. Оп. 1. Д. 12. Л. 1.

² АГС. Ф. Р-121. Оп. 1. Д. 12. Л. 5.

³ Там же. Л. 3.

⁴ Там же. Л. 2.

⁵ АГС. Ф. Р-1382. Оп. 1. Д. 16. Л. 4.

Анализ по видам оплаты (публичные, платные, шефские) демонстрирует переход от бесплатных и шефских лекций к более «формализованным» и платным. В 1951 г. было всего 101 платная лекция, а к 1954 г. их число выросло до 414, при этом количество шефских лекций снизилось с 333 до 108 (хотя общее число лекций выросло)⁴.

Работа Севастопольского отделения Общества по распространению политических и научных знаний полностью соответствовала общесоюзной модели: централизованное планирование, обязательное утверждение текстов, использование краеведческой тематики для усиления патриотизма. Однако на местах эта модель адаптировалась: если в Москве или Ленинграде акцент мог быть на общесоюзных событиях, то в Севастополе он был смещен на локальную героическую историю. Это подчеркивает гибкость системы, способной сочетать единую идеологическую линию с региональными особенностями.

Несмотря на рост масштабов, имелись серьезные внутренние проблемы, среди которых значимой была низкая активность части членов. В 1954 г. из 80 членов общества, имевших задолженность по взносам, 20 не получили билетов, а около 40 членов не участвовали в работе вообще. Имелись проблемы и с управлением. В отчете за 1954 г. отмечалось, что «большинство членов правления приняло участие» в заседании правления, но также констатировалось «слабое влияние» правления на принятие решений и «отсутствие контроля» за выполнением планов. Таким образом, отмечался разрыв между формальной структурой и реальной практикой управления.

Одной из главных задач, поставленных перед Севастопольским отделением, было «резко повысить качество лекционной пропаганды». Для этого предписыва-

лось проводить «систематическое прослушивание лекций в аудиториях»; организовывать «методические разборы» в секциях; обеспечивать «более принципиальный и критический подход при рецензировании текстов лекций»; устанавливать жесткий контроль за «своевременной корректировкой устаревших текстов». Таким образом, лекция была не просто выступлением, а строго регламентированным процессом, где каждое слово могло быть подвергнуто проверке на соответствие официальной доктрине.

21 мая 1958 г. состоялась Первая городская конференция Севастопольского отделения Общества по распространению политических и научных знаний, где указывалась целевая ориентация на актуальные политические задачи. В частности, отмечалось, что отделение проводило большую работу по разъяснению исторических событий, имеющих идеологическое значение: решений XX съезда КПСС, 40-летия Октябрьской революции, сорокалетия установления советской власти на Украине и сорокалетия Вооруженных сил СССР. Историческое просвещение не было академическим, а служило для формирования нужного государству исторического нарратива и укрепления идеологической лояльности.

Конференция констатировала масштабность деятельности Севастопольского отделения. Так, за 1957 г. было прочитано 2617 лекций, проведено 340 встреч и 22 тематических вечера¹. Лекционная пропаганда была массовым явлением, направленным на широкий охват населения.

Для повышения авторитета и эффективности пропаганды предписывалось привлечь в члены Общества интеллигенцию, новаторов и передовиков производства города, создать группы членов Об-

¹ АГС. Ф. Р-1382. Оп. 1. Д. 40. Л. 43.

щества на крупных предприятиях и организовать не менее 50 постоянно действующих лекториев, что демонстрировало привлечение в ряды лекторов не только профессиональных агитаторов, но и авторитетных представителей научной, технической и производственной среды.

Среди планируемых мероприятий для совершенствования лекционной пропаганды обозначались усиление организационного контроля и планирования. Основной акцент делался на укреплении дисциплины и строгом соблюдении планов. Предписывалось составлять планы работы не только на год, но и на квартал. Планировалось регулярно проводить общие собрания и заседания бюро секций, а также обсуждать работу на заседаниях бюро секций. Для решения проблемы низкого уровня лекций и узкого круга тем предполагались следующие шаги: систематическое прослушивание и обсуждение, подготовка новых текстов лекций и расширение тематики.

Для увеличения масштабов и эффективности пропаганды рассматривались новые каналы: выступления в печати и по радио, работа в разных социальных группах. Так, планировалось увеличить чтение лекций в общежитиях рабочих, в отдаленных населенных пунктах и ремесленных училищах, что соответствовало общей политике идеологической мобилизации «внизу»¹.

Таким образом, планируемые мероприятия были направлены на создание более дисциплинированной, качественной и охватывающей широкие слои населения системы лекционной пропаганды. Они отражают стремление к централизованному управлению, жесткому контролю и постоянному совершенствованию всех аспектов деятельности — от планирования до исполнения.

Выводы

В Советском Союзе в 1950-е гг. лекционная деятельность была строго централизована. Отклонения от официальной интерпретации исторических событий могли повлечь за собой административные или даже репрессивные последствия. Особенностью лекций 1950-х гг. был их массовый характер. По данным статистики, ежегодно в СССР проводились десятки тысяч лекций, которые посещали миллионы слушателей. Масштабы, плановость и жесткий контроль делали эту деятельность типичной для советской лекционной пропаганды эпохи сталинизма. Лекционная пропаганда в 1950-е гг. в Севастополе является ярким примером того, как центральная идеологическая установка реализовывалась на местном уровне.

Несмотря на пропагандистскую направленность, лекционная форма действительно способствовала историческому просвещению широких слоев населения, особенно в сельской местности и среди рабочих, где доступ к профессиональным историческим изданиям был ограничен. Лекции зачастую сопровождались демонстрацией плакатов, кинохроники, фрагментов документальных фильмов, что делало их доступными и запоминающимися.

Таким образом, лекционная пропаганда в 1950-е гг. стала не только формой массового обучения, но и ключевым инструментом государственной идеологии. Через нее советская власть формировала историческую память народа, утверждала нужную версию прошлого и обеспечивала лояльность населения в условиях послевоенного восстановления и «холодной войны». Несмотря на очевидные ограничения и цензурный характер, эта система сыграла важную роль в распространении исторических знаний и создании общесоветского исторического нарратива.

¹ АГС. Ф. Р-1382. Оп. 1. Д. 53. Л. 7–10.

Список литературы

1. Гагкуев Р.Г. Методология, методы и принципы исторического просвещения: современные вызовы и сохранение исторической памяти // Ценности и смыслы. 2025. № 3 (97). С. 6–15.
2. Гаврилова Э.Д. Историческое просвещение – новое направление деятельности современного российского государства // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 5–6 (92). С. 86–88.
3. Борщик Н.Д. Развитие исторического просвещения в Крыму (середина 1940-х – середина 1950-х гг.) // Научный вестник Крыма. 2025. № 5 (58). URL: <https://www.nvk-journal.ru/index.php/NVK/article/view/1430> (дата обращения: 28.12.2025).
4. Кометчиков И.В. Лекционная пропаганда на селе Центрального Нечерноземья 1945 – начала 1960-х гг.: организация и функционирование // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 7 (45), ч. I. С. 80–87.
5. Хаминов Д.В. Историческое образование и историческая наука в Сибири под давлением идеологических кампаний послевоенного сталинизма // Новый исторический вестник. 2017. № 1 (51). С. 82–95.
6. Хаминов Д.В. Томские историки в горниле послевоенных идеологических кампаний // Новый исторический вестник. 2017. № 3 (53). С. 128–144. <https://doi.org/10.24411/2072-9286-2017-00004>.
7. Курбатова Н.Н. Роль исторического просвещения в учебно-исследовательской деятельности учащихся как средство воспитания гражданственности и патриотизма у подрастающего поколения // Молодой ученый. 2025. № 33 (584). С. 106–108.
8. Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М.: РОССПЭН, 2000. 229 с.
9. Кармазина Н.В. Севастопольский городской отдел культурно-просветительной работы в 1950 году: анализ деятельности и инфраструктурных изменений // Научный вестник Крыма. 2025. № 5 (58). URL: <https://www.nvk-journal.ru/index.php/NVK/article/view/1389> (дата обращения: 28.12.2025).
10. Тихонов В.В. Историки, идеология, власть в России XX века: очерки. М.: ИРИ РАН, 2014. 217 с.
11. Сидорова Л.А. «Санкционированная свобода» исторической науки: опыт середины 50-х – 60-х гг. // Россия в XX веке: Судьбы исторической науки: сборник статей / под общ. ред. А.Н. Сахарова. М.: Наука, 1996. С. 705–710.
12. Сидорова Л.А. Оттепель в исторической науке. Советская историография первого послевоенного десятилетия. М.: Памятники ист. мысли, 1997. 288 с.
13. Селезнев А.В. Периодизация истории Всесоюзного общества «Знание» на основе сравнительного и функционального анализа эволюции его целевых установок, организационных основ и структуры // Человек и культура. 2018. № 1. С. 17–33.
14. Пинаева Д.А. Партийное руководство научно-просветительской деятельностью в СССР (на примере Всесоюзного общества «Знание») // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 11-3 (61). С. 113–119.
15. Барсенков А.С. Советская историческая наука в послевоенные годы: 1945–1955. М.: Изд-во МГУ, 1988. 144 с.

Reference

1. Gagkuev R.G. Methodology, methods and principles of historical enlightenment: modern challenges and preservation of historical memory. *Tsennosti i smysly = Values and Meanings*. 2025;(3):6-15. (In Russ.)

2. Gavrilova. E.D. Historical education - a new direction of activity of the modern Russian State. *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk = International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2024;(5-6):86-88. (In Russ.)
3. Borshhik N.D. The development of historical enlightenment in the Crimea (mid-1940s – mid-1950s). *Nauchnyi vestnik Kryma = Scientific Bulletin of the Crimea*. 2025;(5). URL: www.nvk-journal.ru/index.php/NVK/article/view/1430 (accessed 28.12.2025). (In Russ.)
4. Kometchikov I.V. Lecture propaganda in rural areas of the Central Non-Chernozem region in 1945 - early 1960s: organization and functioning. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie = Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice*. 2014;(7-I):80-87. (In Russ.)
5. Khaminov D. History education and historical science in siberia under the pressure of the ideological campaigns of post-war Stalinism. *Novyi istoricheskii vestnik = The New Historical Bulletin*. 2017;(1):82-95. (In Russ.)
6. Khaminov D. The Tomsk historians in the crucible of the post-war ideological campaigns. *Novyi istoricheskii vestnik = The New Historical Bulletin*. 2017;(3):128-144. (In Russ.)
7. Kurbatova N.N. The role of historical enlightenment in the educational and research activities of students as a means of fostering citizenship and patriotism among the younger generation. *Molodoi uchenyi = Young Scientist*. 2025;(33):106-108. (In Russ.)
8. Zubkova E.Yu. Post-war Soviet society: politics and everyday life. 1945–1953. Moscow: ROSSPEN, 2000. 229 p. (In Russ.)
9. Karmazina N.V. Sevastopol city department of cultural and educational work in 1950: analysis of activities and infrastructural changes. *Nauchnyi vestnik Kryma = Scientific Bulletin of the Crimea*. 2025;(5). URL: <https://www.nvk-journal.ru/index.php/NVK/article/view/1389> (accessed 28.12.2025). (In Russ.)
10. Tikhonov V.V. Historians, ideology, power in Russia of the XX century: essays. M.: IRI RAN; 2014. 217 p. (In Russ.)
11. Sidorova L.A. "Sanctioned freedom" of historical science: the experience of the mid-50s - 60s. In: *Rossiya v XX veke: Sud'by istoricheskoi nauki: sbornik statei = Russia in the XX century. The Fate of historical science: collection of articles*. Moscow: Nauka; 1996. P. 705-710. (In Russ.)
12. Sidorova L.A. Thaw in historical science. Soviet historiography of the first post-Stalin decade. Moscow: Pamyatniki ist. Mysli; 1997. 288 p. (In Russ.)
13. Seleznev A.V. Periodization of the history of the All-Union Society "Znanie" based on a comparative and functional analysis of the evolution of its objectives, organizational foundations and structure. *Chelovek i kul'tura = Man and Culture*. 2018;1:17-33. (In Russ.)
14. Pinaeva D.A. Party leadership of scientific and educational activities in the USSR (on the example of the All-Union Society "Znanie"). *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki = Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice*. 2015;(11-3):113-119. (In Russ.)
15. Barsenkov A.S. Soviet historical science in the post-war years: 1945-1955. Moscow: Izd-vo MGU; 1988. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Кармазина Наталья Валерьевна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры основ российской государственности, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация, e-mail: n.v.karmazina@mail.ru, ORCID: 0000-0002-1342-158X

Natalia V. Karmazina, Candidate of Sciences (Historical), Associate Professor, Associate Professor, of the Department of Fundamentals of Russian Statehood, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russian Federation, e-mail: n.v.karmazina@mail.ru, ORCID 0000-0002-1342-158X